

структуре жанра : межвуз. сб. науч. тр. / Калинингр. ун-т. Калининград, 1990. С. 3 – 10.

7. Федосеева Е. Исторический роман Мордовии. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2000.

8. Флоровский Г. Путь русского богословия. Минск : Изд-во Белорус. Экзархата – Белорус. правосл. церкви, 2006.

The poetics of the plot of A.Doronin's novel "Shadows of the Bells"

There are considered the issues of plot construction of a fiction text. On the material of the novel by A.Doronin "Shadows of the Bells" there are shown the peculiarities of the plot structure, the role of out-of-plot elements in the structure of the text.

Key words: *plot, plot construction, out-of-plot elements, descriptions, author's digressions, insert episodes.*

Д.Н. МУЗРАЕВА
(Элиста)

**К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
БУДДИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
У КАЛМЫКОВ В XX – начале XXI в.***

Раскрываются значение и место буддийской литературы в книжно-литературной традиции калмыков в XX – начале XXI в. Определяется состав буддийских письменных источников на тибетском, ойратском, калмыцком и русском языках, имевших хождение среди калмыков в указанный период, определяется круг авторов.

Ключевые слова: *буддизм, литература, канонические сочинения, ойратский просветитель Зая-пандита, перевод.*

Калмыки, как и другие народы Центральной Азии, оказались в сфере распространения и влияния тибетской формы буддизма, идущей к ним с юга и юго-востока. В сегодняшней Калмыкии с конца XX в. идет процесс возрождения духовной культуры народа во всех ее компонентах, среди которых буддизм по пра-

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (2009 – 2011).

ву занимает одно из важных мест. Согласно традиции, буддизм может существовать только в том случае, если одновременно присутствуют три его компонента – Будда, его Учение (дхарма) и община последователей (сангха). При этом Учение в символическом смысле – это записи проповедей Будды, как рукописные, так и печатные, т.е. книги. То особое отношение к священным буддийским текстам, которое утвердилось в Тибете, было перенято и калмыками.

Несмотря на то, что Россия по-прежнему занимает ведущие позиции в буддологии, буддийская литература на поздних этапах ее бытования у калмыков и других монголоязычных народов, которые исповедуют буддизм, даже в наши дни не только недостаточно исследована как литературный и культурный феномен, но и до сих пор по-настоящему не оценена по своей значимости для изучения истории литературы калмыков, бурят, тувинцев и буддийской письменной и книжно-литературной традиции в целом.

Проблема влияния буддизма на духовную жизнь монгольских народов, развитие их культуры и литературы была поставлена крупнейшим российским монголоведом академиком Б.Я. Владимирцовым в его статье «Монгольская литература» [5]. Все последующие труды российских монголоведов, появившиеся на протяжении XX в. и в начале нынешнего века, подтверждают значимость поставленной проблемы. Мы должны признать, что в течение многих десятилетий труды монголоведов находились под влиянием господствовавших в стране идеологических установок, согласно которым религии декларативно отторгались от общего фундамента духовной культуры. Эти установки вынуждали ученых прибегать к самоцензуре при выборе тематики исследования и освещать весь материал, связанный с религией и религиозной философией, в соответствии с марксистскими установками. Вот почему в трудах по истории монгольской и ойратской литературы, написанных до последней четверти XX в., мы можем не обнаружить подчас и самого термина «буддийская литература», даже если речь идет о средневековой монгольской и ойратской литературе.

На сегодняшний день существует не так много работ, в которых на основе анализа всех имеющихся религиозных и религиозно-философских жанров литературы была бы представлена история буддийской литерату-

ры у ойратов, их этнических потомков калмыков, тем более история ее отдельных жанров в отдельно взятых традициях, что составляет актуальную проблему в изучении литератур. Не случайно в специальной литературе обычно ставится вопрос о жанровой природе и особенностях отдельных сочинений, письменной традиции, но не о литературе буддизма как явления. Это и понятно: для того, чтобы говорить о буддийской литературе, нам следует восстановить по возможности полную картину, в которой нашлось бы место каждому жанру, каждому направлению, всем без исключения многочисленным авторам оригинальных сочинений и авторам-переводчикам с их разными биографиями, судьбами и индивидуальной переводческой практикой. При этом неминуемо возникает необходимость исследования позднейших компиляций, переделок, интерпретаций, версий и списков, что должно в значительной степени расширить рамки подобного исследования. Такое исследование сопряжено со многими трудностями. Так, к примеру, у калмыков, как и у всех народов, знакомых с политикой атеизации, подвергшихся депортации, уцелело и сохранилось до наших дней лишь ничтожно малое из письменного наследия в целом, не говоря уже о той части этого наследия, которая имеет отношение к буддийской традиции.

Данная тема до сих пор не нашла достаточного освещения в официальной науке, работах по истории калмыцкой литературы нового и новейшего времени (XX – начало XXI в.). Увы, нам пока приходится констатировать тот факт, что до сих пор литература калмыков и других народов России в XX в. ассоциируется и по форме, и по содержанию, и по генезису исключительно с литературой социалистического реализма. Отчасти это и в самом деле так. Историки калмыцкой литературы обычно избирали и избирают своим предметом светские литературные произведения, очевидно, по умолчанию предполагая, что буддийская религиозная литература должна состоять исключительно из старинных канонических сочинений и ее бытование едва ли порождало новые тексты, тем более новые документальные и литературные формы. При исследовании отдельных памятников буддийской литературы, при подготовке их научных изданий для работы, как правило, выбирается рукопись или ксилографическое издание, наиболее авторитетное в текстологическом отношении, и даже в обзорах списков и редакций ве-

дущее место отводится наиболее репрезентативным рукописям.

В данной статье будет представлен краткий предварительный обзор образцов буддийской литературы, как переводной, так и оригинальной, сохранявшейся и создаваемой калмыками на протяжении XX в. При этом мы ведем речь, прежде всего, о тех образцах сочинений, в которых в различных аспектах затрагивается и отражается буддийская тематика, раскрывается буддийская доктрина (религиозно-философская система, знания, буддийское видение мира, воззрение на мир, буддийская этика, эстетика, канонизированные сюжеты и т.д.).

Для всех калмыков, как и для их соотечественников из Западной Монголии и Северо-Западного Китая, остается священным имя великого ойратского просветителя Зая-пандиты Намкай Джамцо (1599 – 1662). Буддийские проповедники понимали, что для нужд верующих необходима литература, в которой бы сжато, доходчиво и глубоко излагались основные постулаты, обрядовая практика, церемониал и другие стороны вероучения. При этом возникла необходимость учить менталитет того этноса, который обращался в буддийскую веру. Это достигалось подбором именно таких сочинений, которые способны были пробудить в воображении и умах потенциальных верующих благоговение и почтение. В этой связи интересен подбор сочинений, переведенных Зая-пандитой (178 названий), его ближайшими учениками (35 названий) и последователями, среди которых представлены хорошо известные канонические и неканонические сочинения. Каким бы ни было их жанровое разнообразие, в соответствии с их функциональным назначением среди них можно выделить учебную, обрядовую (литургическую) и популярную литературу.

Традиция создания переводной буддийской литературы, заложенная трудами Зая-пандиты, имела продолжение и в XX в. – до конца 1960-х гг. и, возможно, даже несколько позднее. Начало XX в. ознаменовалось всплеском просветительской, переводческой деятельности калмыцких буддийских священнослужителей, начало которой было положено в конце XIX в. Был создан целый ряд переводных и оригинальных произведений на русском и ойратском (калмыцком) языках. Одним из инициаторов этой работы выступил бакша (лама) донских калмыков М. Борманжинов (1855 – 1919).

Издание буддийской литературы, написанной «ясным письмом» («тодо бичиг») типографским способом и с помощью техники литографии, было налажено в конце XIX – начале XX в. в Санкт-Петербурге. Одним из редакторов этих публикаций выступал известный монголист А.М. Позднеев (1851 – 1920) [14, с. 7 – 18]. Среди этих публикаций имеются образцы известных буддийских памятников [4, с. 25]. Приверженность калмыцких монахов буддийской литературно-книжной традиции проявилась в том, что они переводили религиозные сочинения и научные тексты с тибетского языка не только на ойратский и калмыцкий языки, но и на русский язык. Примером могут послужить переводы медицинских сочинений из разряда лечебников (*тиб. lhan-thabs*), осуществленные калмыцким монахом, бакши Эркетеневской станицы Области Войска Донского Данбо (Дамбо) Ульяновым (1844 – 1913) [9]. Из предисловия к этому изданию видно, какой «крайне трудно выполнимой» была для него работа по переводу с тибетского языка на русский. При этом его собственная переводческая техника заключалась в том, что он не позволял себе что-либо изменять, выпускать или добавлять, а передавал всякие аллегорические и символические представления в том же виде, как они были изложены в тибетском оригинале [9, с. 3 – 4].

Важно отметить – и до недавнего времени эти факты не были широко известны – что сочинения религиозного содержания были написаны не только на тибетском или ойратском языках, что является вполне традиционным для монгольского мира, но они писались также и на русском языке. Особое внимание привлекают в связи с этим «Предсказания Будды о Доме Романовых и краткий очерк моих путешествий в Тибет в 1904 – 1905 гг.», автором которых является Д. Ульянов [13]. Помимо того, что в данном сочинении содержится дневник его путешествия в Тибет, в нем приводятся сведения о донских калмыках, даются разъяснения о буддийском духовенстве, излагаются основополагающие моменты учения Будды, которые подкрепляются сведениями из разного рода сочинений, содержание которых составляют преимущественно предсказания (Там же). Ценны в этой работе подробные комментарии автора, в которых нашла отражение его позиция истинного буддиста, а также представления простых верующих. Одной из причин создания подобного труда могло быть обрусение некоторой части калмыков, в особен-

ности в пределах Области Войска Донского, с другой стороны, возможно, что таким образом гелюнги стремились распространить влияние буддизма за пределы калмыцкой этнической среды или, как бы мы теперь сказали, закрепить толерантное отношение к буддийской вере у соседей калмыков.

Помимо сочинений практического назначения, каковыми являются упомянутые выше медицинские труды, с тибетского языка переводились образцы литературы, в которых популяризировались, разъяснялись основные положения буддийского учения. С этой целью был издан ойратский перевод тибетского сочинения «Руководство к познанию ламайского вероучения», автором которого является Дордже Сетенов (Навангсодба, Навангзодба) (ум. в 1915 г.), старший бакша хурулов Больше-Дербетовского улуса ставропольских калмыков [10]. На титуле издания указаны тибетское название – *sKyabs 'gro sems bskyed bzhugs so* (Пробуждение мысли о принятии прибежища) и его ойратский эквивалент, состоящий из двух частей: 1) *Ibël yabuulxu sedkil öüskekü* (Пробуждение мысли о принятии прибежища) и 2) *Gurban törölkiteni möriyin köölbüri* (Руководство [на] пути трех разрядов [живых существ]). Содержание этого памятника представляет собой изложение основополагающего момента буддийской практики – принятия прибежища в Трех драгоценностях (т.е. в Будде, его учении и монашеской общине), а также руководство для тех, кто встал на путь учения Будды.

Интересная страница литературной и просветительской деятельности калмыцких священнослужителей, продолжающая традиции XIX – начала XX в., связана с эмиграцией. Калмыцкие ламы, оказавшиеся в Европе, не только продолжили заниматься переводческой деятельностью, но и по-прежнему создавали оригинальные духовные сочинения на ойратском языке. Одним из таких трудов является сочинение Задбы (Зодбы) Бурульдинова (1888 – 1964), в котором он представляет линию преемственности буддийских иерархов донских калмыков [2]. Согласно автору, рукопись была завершена 30-го числа месяца обезьяны года коровы, земли 16-го равджуна (64-летнего цикла по тибетско-монгольскому календарю), что соответствует 1949 г. по европейскому летосчислению. Краткий пересказ этого сочинения со слов профессора А. Борманжинова сделал в своем очерке Кольдонга (Кульдинов) Содном [11]. Помимо этого, рукопись

3. Бурульдинова, умзада (канонарха, запевалы при богослужениях) при хуруле «Арша ламин кит» [3, с. 30 – 31], включает сочинение «Burhan birman хоуог» («Будда и брахман»), а также разъяснение основных положений учения Будды (учение о страданиях, трех ядах, десяти грехах, десяти добродетелях и т.п.).

Представители калмыцкой интеллигенции, оказавшиеся в Америке, озабоченные необходимостью пропагандировать национальную культуру среди молодого поколения, организовали культурно-просветительскую работу, в рамках которой переводились буддийские обрядовые тексты, молитвы. Бакша Санджи-Рагба Меньков (1897 – 1968) перевел с тибетского языка и составил в поэтической форме магтал (восхваление) о ниспослании милости Трех драгоценностей и божеств буддийского пантеона (Ваджрапани, Манджушри, Авалокитешвары) [1]. Эта небольшая по объему работа была опубликована в 1957 г. в Филадельфии. Автор сопроводил ойратский текст латинской транслитерацией, с тем чтобы сделать буддийскую молитву легкой для прочтения и понимания.

Примечательной в ряду ойратских переводов буддийских текстов является работа известного священнослужителя Калмыкии Тугмюд-гавджи (в миру О.М. Дорджиева, по другим сведениям – Тогмд-Очира Манджаева) (1887 – 1980), который выполнил перевод канонической «Сутры о мудрости и глупости» (*санскр.* *Damamūkonāmasūtra*, *тиб.* *’Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po’i mdo*) с тибетского языка на ойратский (1968) [8, с. 90 – 113]. Судьба Тугмюд-гавджи – уроженца Яндыко-Мочажного улуса (ныне Астраханская область), получившего начальное духовное образование у себя на родине, в Аршинском хуруле, а затем проходившего обучение в Монголии, – повторяет судьбу многих представителей калмыцкого духовенства. Он был дважды репрессирован: в 1935 г. как священнослужитель был выслан в Северный Казахстан, а в 1943 – 1956 гг., во время депортации калмыков, оказался в Хакасии. Собранный им духовная библиотека составляет основу коллекции тибетских, монгольских и ойратских рукописей и кишлографов, хранящихся в Научном архиве КИГИ РАН [7, с. 26 – 54].

Переведенная им сутра хорошо известна в монгольском мире под кратким названием «Улигер-ун далай» (*монг.* *Üliger-ün dalai-yin neretü sudur* – «Сутра под названием “Море притч”»). В имеющихся описаниях письмен-

ных памятников на ойратском языке эта сутра часто упоминается под названием «Medētei medē ügeyigi ilyaqçı kemēkü sudur» («Сутра, разъясняющая мудрого и глупого»). Это сочинение – собрание *джатак* и *авадан*, повествующих о прошлых рожденьях Будды Шакьямуни. Несмотря на то, что современные исследователи, давая характеристику этому сочинению, причисляют его к разряду популярных, не стоит забывать, что оно было включено в состав буддийского канона (свод Ганджура), что, несомненно, наложило отпечаток на отношение автора к своему переводу. Анализ текста перевода Тугмюд-гавджи, записанного им «ясным письмом», в сопоставлении с тибетским оригиналом показывает, что в нем присутствуют все характерные черты дословного перевода (в отличие от смыслового перевода с присущим ему отходом от оригинала), что полностью отвечает требованиям, предъявляемым к переводам сакральных канонических текстов, которые были практически абсолютизированы в XVIII – XIX вв.

Данное сочинение неоднократно выступало объектом изучения и перевода, что свидетельствует о его большой популярности среди народов Центральной Азии. Его переводили с тибетского языка такие известные просвещенные монгольские ламы, как Ширээт гуши Цорджи (*монг.* *Širegetü güüsi čorji*) (начало XVII в.), Цултэм-Лодой, Тойн гуши [12, с. 1 – 3]. В XVII в. на ойратский язык его перевел Зая-пандита [6, с. 317 – 323]. Перевод Тугмюд-гавджи – самый поздний из ойратских переводов буддийских памятников, выполненных калмыками в XX в. Этот труд является одновременно и свидетельством сохранения традиции, и значительным вкладом в литературное наследие калмыцкого народа.

Особо хотелось бы сказать и о таком феномене, как бытование буддийской обрядовой литературы вплоть до начала XXI в. не только в традиционной записи ойратским «ясным письмом», но и разновидностью гражданского калмыцкого письма – кириллицей, в различных вариантах использовавшейся в ходе реформирования графики и орфографии современного калмыцкого языка. В качестве примера можно привести сборник сочинений буддийского содержания на кириллице из коллекции Бага-Чоносковского хурула. В него включены такие известные сочинения, как «Предсказание о будущем, именуемое “Очищающая лампада”», «Сутра, умиротворяющая землю и

воду», «Наставления Джебцун Дамба хутугты» и «Сутра, устраняющая путы [деяний] тела, речи и мысли». При этом переложение этих и других подобных текстов на кириллицу, как правило, не отражалось на их сакральном статусе: эти тексты по-прежнему читают и свято верят в то, что они обеспечат благоденствие семьям, в которых они хранятся, и тем, которым они передаются для рецитации, совершения тех или иных обрядовых действий.

Таким образом, охарактеризованные выше сочинения, написанные на ойратском, калмыцком и русском языках, свидетельствуют о богатстве и самобытности буддийской составляющей калмыцкой литературы XX в., они демонстрируют непрерывность традиции создания переводной литературы, которая была заложена в XVII в. Зая-пандитой Намкай Дзамцо и сохранялась на протяжении более чем трех последующих веков. Образцы подобного рода литературы не только продолжали свое бытование, но и создавались калмыками на протяжении всего XX в., включая калмыцкую диаспору в Европе и США (новые переводы классических книг и оригинальные сочинения).

Процесс возрождения духовной культуры калмыков немыслим без обращения к истокам буддизма и буддийской культуры, без анализа этнической специфики ее рецепции у ойратов и калмыков, без изучения национальной литературной и культурной традиции и, самое важное, без детального изучения того связующего звена, каким являются буддийская традиция и буддийская литература калмыков XX в. Равным образом этот процесс невозможно себе представить без развития буддологической науки в ее самых разных преломлениях – от истории буддийской философии до археографического описания рукописей буддийских сочинений, вошедших с нами в XXI век.

Литература

1. Adistide cixal orxu kemeküü maqtal / translated and composed in poetrik form from Tibetan by Baksha Sangdzi-Ragba. Philadelphia, Penna, 1957, November.
2. Buzabiyin blamnariyin daran. Б. г. – Рукопись на «тодо бичиг». Архив науч. библиотеки КИГИ РАН.
3. Алексеева П.Э. Станица Граббевская (XVII – декабрь 1943 г.): ист. очерк. Элиста, 1997.
4. Борманжинов А. Ламы калмыцкого народа: ламы донских калмыков. Элиста, 1997.

5. Владимирцов Б.Я. Монгольская литература // Литература Востока : сб. ст. Пг., 1920. Вып. 2.

6. Музраева Д.Н. «Сутра о мудрости и глупости» у ойратов и калмыков: к сопоставительному исследованию переводов Зая-пандиты Намкай Дзамцо (1599 – 1662) и Тугмюда Гавджи (1887 – 1980) // Проблемы литератур Дальнего Востока : сб. материалов III Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 24 – 28 июня 2008 г. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008. Т. 2.

7. Музраева Д.Н. О коллекции буддийской литературы О.М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи) // Буддийская традиция в Калмыкии в XX веке: памяти О.М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи). 1887 – 1980. Элиста : КИГИ РАН, 2008.

8. Музраева Д.Н. О переводческой деятельности Тугмюд-гавджи (1887 – 1980) // Буддийская традиция в Калмыкии в XX веке: памяти О.М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи). 1887 – 1980. Элиста : КИГИ РАН, 2008.

9. Перевод из тибетских медицинских сочинений Дже-ду-нинг-нор, гл. 91 и Хлан-таб, гл. 30. Лечение чумы, холеры и проказы. Штатного гелюна Дамбо Ульянова. Спб., 1902.

10. Руководство к познанию ламайского верования. С тибетского на калмыцкий язык перевел Дордже Сетенов, старший бакша хурулов Больше-Дербетовского улуса ставропольских калмыков. Петроград, 1914.

11. Судьба донских калмыков, их веры и духовенства. Очерк Кольдонга Соднома. Хулгуна жил. Изд. автора. USA, 1984.

12. Улгэрийн Далай (Шулуун уналт хэмээх судар). Ширээт гүүш цоржийн орчуулга. Монгол бичгээс крилл бичигт хөрвүүлэн тайлбар хийсэн Д. Бүрнээ, Д. Энхтөр. Улаанбаатар, 1996.

13. Ульянов Д. Предсказания Будды о Доме Романовых и краткий очерк моих путешествий в Тибет в 1904 – 1905 гг. Спб., 1913.

14. Шастина Н.П. А.М. Позднеев / Подгот. к печати, прим. А.Г. Сазыкина // Mongolica – VI : сб. ст. СПб. : Петерб. востоковедение, 2003.

Considering the issue of the Buddhist literature of the Kalmyk people in the XX – beginning of the XXI centuries

There is revealed the meaning and place of the Buddhist literature in the book and literary tradition of the Kalmyk people in the XX – beginning of the XXI centuries. There is determined the content of the Buddhist written sources in the Tibetan, Oyrat, Kalmyk and Russian languages popular among the Kalmyk people in the mentioned period, determined the authors.

Key words: *Buddhism, literature, canonical works, Oyrat illuminator Zaya-pandita, translation.*